
Анастасия Сиалана
РЕКТОР,
Я ЗА ВАС ВЫЙДУ!

Магистр, держите дистанцию! или Любовь в академии

Анастасия Сиалана

Ректор, я за вас выйду!

«Автор»
2026

Сиалана А.

Ректор, я за вас выйду! / А. Сиалана — «Автор»,
2026 — (Магистр, держите дистанцию! или Любовь в академии)

Я вышла замуж за ректора ради поступления в академию магии. Ему срочно нужна была жена на бумаге, и меня это вполне устраивало. Кольца надели, спальни поделили. Мы договорились держать брак в тайне и после выпуска разойтись.Удобный план. Если, конечно, я доживу до выпуска.Похоже, кто-то рассчитывает, что наш брак закончится похоронами. Моими. И как назло, единственный человек, к которому мне хочется пойти за помощью — муж, которого я поклялась ненавидеть.Книга первая в цикле.

© Сиалана А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Анастасия Сиалана
Ректор, я за вас выйду!

Глава 1

Свадебное платье не застёгивалось по трём причинам, и каждая из них считала себя правой.

Первой причиной была леди Агата. Серьги, в которых она обитала, лежали на туалетном столике, и оттуда она руководила моим облачением, как генерал руководит войсками с холма, благоразумно выбранного подальше от линии огня.

— Корсет надо затянуть ещё на палец, — распорядилась она. — Невеста должна выглядеть хрупкой.

— Невеста должна дышать, — возразила я, держась за столбик кровати, пока горничная тянула шнуровку. — Мне ещё говорить «да».

— Для «да» много воздуха не нужно. Я выдала замуж пятерых дочерей, и ни одна не упала в обморок до конца церемонии. После — пожалуйста, после это даже трогательно.

Второй причиной был Гастон. Полтора века назад он погиб на дуэли, последние двенадцать лет жил в ясеневой трости с медным набалдашником и всё утро не мог смириться с тем, что на свадьбу его не пригласили.

— Дворянин присутствует при бракосочетании дамы, которой служит, — заявил он с крючка у двери. — Это не обсуждается.

— Ты трость, Гастон. Невеста с тростью выглядит, будто её ведут под венец после падения с лошади.

— Невеста без трости выглядит, будто за неё некому заступиться.

Тут, признаться, спорить было трудно, и я промолчала.

Третьей причиной был Барбуз. Он забрался под шлейф, свернулся там всеми своими семью килограммами и изображал обычный арбуз, случайно закатившийся под подол. Выходило у него плохо: обычные арбузы не рычат на горничных, которые пытаются расправить кружево.

— Вылезай, — сказала я, приподнимая край юбки.

Барбуз посмотрел на меня трещиной, которую считал пастью, и не вылез. Слова «свадьба» он не знал, зато прекрасно знал слово «уезжает», звучавшее в доме со вчерашнего вечера чаще всех прочих, и твёрдо решил, что уезжать без него противоречит законам мироздания, приличиям и здравому смыслу, причём именно в таком порядке.

Я выпрямилась, насколько позволял корсет, и посмотрела в зеркало. Оттуда на меня глядела девушка в белом, с тщательно уложенными светлыми, почти льняными волосами и выражением лица, которое мама назвала бы «задумчивым». На самом деле я просто пыталась вспомнить, в какой момент моя жизнь свернула туда, где невеста не знает в лицо собственного жениха.

* * *

Свернула она, если подумать, семь лет назад, когда мне было восемнадцать и я так и не доехала до академии. О том, почему не доехала, в нашем доме не говорили, и молчали так старательно, что тайна успела стать почти членом семьи, со своим местом за обеденным столом.

Бесплатно в академию берут только раз, сразу после школы, а мне теперь было двадцать пять, и со мной обходились как с переростком: за каждый семестр просили столько, сколько отец, по его же словам, «не тратил на всех своих лошадей вместе взятых». А без диплома не видать мне разрешения на практику. Три прошения я уже подала, и все три вернулись с одной и

той же резолюцией: «Специализация заявителя не предусмотрена реестром». Я перечитывала эту фразу десятки раз и всякий раз спотыкалась на «не предусмотрена». Не запрещена, не опасна, просто не предусмотрена, будто меня когда-то забыли внести в список, а потом решили, что исправлять уже поздно.

Деньги на учёбу у родителей были. Отец просто не собирался их давать.

— Семь лет мы оплачивали твои «исследования», — сказал он месяц назад, держа это слово, будто щипцами. — Довольно. Хочешь академию — выходи замуж. Человек серьёзный, с положением, мы с ним договорились. Он женится, мы платим. Не хочешь — живи как жила, но уже на свои.

«На свои» означало «ни на что», потому что своих у меня не было.

Я думала три дня. На четвёртый спустилась в кабинет и сказала «да», не спросив даже, как жениха зовут. Отец назвал имя сам, и я тут же постаралась его забыть, а когда мама принесла портрет, отвернулась к окну. Это был единственный протест, который мне оставался, и я цеплялась за него, как тонущий за соломинку. Глупо, но мне помогало.

— Детка, — вкрадчиво сказала мадам Флёр с подушечки рядом с фатой. При жизни она была свахой, по её словам, первой во всей столице, а по моим наблюдениям — самой громкой из всех. — Ну хоть сейчас посмотри на портрет. Он очень даже ничего. Благородное происхождение. Светлый стан. Плечи.

— Я увижу его через час.

— Через час поздно будет делать хорошее лицо!

— Я не собираюсь делать хорошее лицо, Флёр. Я выхожу замуж ради платы за обучение. Хорошее лицо в эту сделку не входит.

Ожерелье обиженно звякнуло и замолчало, а я всё равно надела его на шею. Без Флёр было бы ещё страшнее, хотя признаваться в этом я не собиралась даже себе.

* * *

Храм в нашем городке был маленький и светлый, с витражами, откуда святые смотрели на прихожан, будто знали про каждого что-нибудь неприличное. Гостей пришло немного: родители, тётушки, трое соседей, без которых у нас не обходится ни одна свадьба, и пожилой нотариус с портфелем. Его я сперва приняла за дальнего родственника, пока не вспомнила, что сегодня, помимо прочего, подписывают бумаги.

Гастон всё-таки поехал со мной: отец, взглянув на моё лицо, махнул рукой и сказал: «Пусть берёт. что хочет, лишь бы дошла до алтаря». Основатель торчал у меня за ухом, спрятанный в причёске среди шпилек, и всю дорогу ворчал, что храм построили без всякого понятия об акустике. Барбуза мы с горничной вдвоём вытащили из-под шлейфа и оставили в карете, и я до последнего надеялась, что там он и останется.

Жених ждал у алтаря.

Я увидела его спину раньше, чем лицо: высокий, широкоплечий, в тёмном сюртуке, жгучий брюнет. Он стоял, будто ждал не невесту, а начала заседания, и, заложив руки за спину, слегка постукивал пальцами одной ладони о другую. Когда отец подвёл меня ближе, он обернулся.

Лицо оказалось спокойным и совсем не старым, хотя за сорок он, конечно, перевалил. Но, как я знала, для тех, кто обрел магию, сорок пять, это как расцвет юности. Серые глаза, прямой нос, у губ две насмешливые складки, будто он часто улыбался про себя, а наружу улыбку выпускал по праздникам. Аура у него была светлая, ровная, золотистая и напоминала лампу, которую зажигают поздно вечером для одного себя.

Красивый. Вот же зараза.

Он посмотрел на меня, будто сверял с чем-то, виденным раньше, едва заметно приподнял бровь, и я с досадой поняла, что сверял он меня с портретом. С тем самым, в синем платье, где я похожа на сову, которую разбудили посреди дня.

— Тридцать, не больше, — задумчиво сообщило ожерелье у меня на шее, и в маленьком храме это прозвучало шёпотом в рупор. — И жгучий какой! Плечи хорошие, руки ухоженные. Вдовец? Холост? Спроси, детка, спроси!

— Сорок пять, — проскрипело из причёски. — Для мага молокосос. И к тому же светлый, а светлые с молоду сплошь зануды.

Тётушки во втором ряду переглянулись. Нотариус уронил портфель. Мама прикрыла глаза рукой.

Жених не стал смотреть на ожерелье. Его взгляд остановился чуть выше и левее моего плеча, ровно там, где мадам Флёр любит пышно устраиваться, когда разглядывает мужчин.

— Сорок пять, — негромко ответил он ей. — Холост. Ещё примерно четверть часа.

Мадам Флёр ахнула и впервые на моей памяти не нашлась с ответом.

Он её видел. Не слышал, как слышат все, а видел, как вижу её я. Легче мне от этого не стало: так бывает, когда незнакомец на улице вдруг окликает тебя по имени. Волнительно и не знаешь, чего ожидать.

Глава 2

Служитель храма, сухонький старичок в белом, начал читать. Я слушала вполуха. Слова о союзе, верности и о том, что двое становятся одним, текли мимо меня, как вода мимо камня, а я думала о своём. О том, что через час мы сядем в карету и поедем в академию. О том, что я понятия не имею, какой у него голос, когда он сердится. О том, что за семь лет я приучилась спрашивать согласие у каждого духа трижды, а сама сейчас скажу «да» один раз, и никто не станет переспрашивать.

— Виола Карас, — произнёс служитель, — согласна ли ты взять в мужья Дэймона Соттера?

Имя я забывала так старательно, что услышала его будто впервые. Дэймон Соттер. Человек серьёзный, с положением. Где-то в памяти оно отозвалось слабо и неприятно, как отзывается больной зуб на холодную воду, но где именно, я понять не успела.

Я помолчала. Дольше, чем полагалось: тётушки во втором ряду зашевелились, отец кашлянул. Жених рядом со мной даже не шевельнулся. Он ждал, глядя на витраж над алтарём, и мне вдруг показалось, что он прекрасно понимает, почему я молчу.

— Согласна, — сказала я.

И в ту же секунду у дверей храма что-то грохнуло.

Барбуз, которого мы оставили в карете и который, по всей видимости, сумел открыть её изнутри, ворвался в храм и покатился по каменным плитам, будто его пустили с горки. На бегу он выпустил из боков лианы, четыре коротких, крепких и на редкость кривых ноги, промчался мимо тётушек, мимо родителей, мимо нотариуса, только что поднявшего портфель, и, не сбавляя хода, вцепился жениху в лодыжку.

Жених почти не шевельнулся. Лёгкое движение пальцев, мягкое мерцание в воздухе — и Барбуз отскочил от невидимой подушки, подкатился ко мне и обиженно заскрипел у подола.

— Не смейте! — Я подхватила его на руки, забыв, что я невеста и что на мне платье, расшитое мелким жемчугом. — Он вам не учебный снаряд!

— Я заметил, — сказал жених. — Учебные снаряды обычно не рычат. — Он опустил взгляд на арбуз. — Он вас защищает?

— От вас.

— Разумно, — согласился он и отступил на полшага, не торопясь и держа руки на виду, как отступают от настоящей собаки, которой ещё не представлены.

Мне это не понравилось. Все, кого прежде пытался укусить Барбуз, либо кричали, либо пинали его, либо требовали немедленно убрать эту гадость, и ненавидеть таких было легко и приятно. А этот повёл себя, будто перед ним обычный пёс со странной кличкой, что, в общем-то, было правдой, и ненавидеть его сразу стало сложнее.

Служитель, моргая, смотрел на арбуз у меня на руках.

— Дэймон Соттер, — произнёс он наконец, видимо, решив, что разумнее всего продолжать, — согласен ли ты…

— Согласен, — сказал жених.

Сказал сразу, без паузы, тем же ровным тоном, что говорят «принято» на заседании совета, и это задело меня сильнее, чем всё остальное за утро.

Кольцо он надел мне на палец, придерживая мою руку, чтобы не задеть лиану Барбуза, всё ещё обвивавшую моё запястье. Пальцы у него оказались тёплыми и сухими, и от этого прикосновения по руке до самого локтя пробежали мурашки, чего я совершенно не заказывала. Кольцо было простое, без камня, и чуть великоватое.

— Можете поцеловать невесту, — сказал служитель.

Жених наклонился ко мне, но не к губам. Он остановился у самого моего уха и негромко, так, что не услышал никто, кроме меня и, разумеется, Основателя в причёске, спросил:

— Можно?

Я опешила. За всё утро никто не спросил меня ни о чём, кроме размера перчаток.

— Нет, — сказала я.

— Хорошо, — ответил он.

И поцеловал воздух в двух пальцах от моей щеки так убедительно, что тётушки во втором ряду растроганно засопели, а у меня, к стыду моему, горячо вспыхнула кожа там, где его дыхание её только коснулось.

* * *

Бумаги подписывали в тесной ризнице, где пахло воском. Сначала книгу храма, потом свидетельство о браке, а потом нотариус раскрыл портфель и достал ещё один документ, исписанный мелким ровным почерком. Почерк показался мне знакомым, и я никак не могла понять откуда.

— Брачный договор, — пояснил нотариус. — Составлен по взаимному желанию сторон.

— По взаимному? — переспросила я.

— Я составлял, — сказал жених, снимая перчатки. — Ваш отец одобрил. Прочтите, пожалуйста, прежде чем подписывать. Если что-то не устроит, скажите сейчас.

Я прочла. Пунктов было пять, и каждый я перечитала дважды, выискивая подвох, как кость в рыбном пироге.

«Супруги проживают в предоставленной академией квартире в раздельных комнатах. Никаких супружеских обязательств, помимо взаимного уважения, договор не налагает. Супруги не афишируют брак среди студентов; супруга обучается под девичьей фамилией. Супруг не участвует в оценивании супруги и передаёт ответственность за её оценки другому преподавателю. По получении супругой диплома брак может быть расторгнут по обоюдному согласию без каких-либо претензий сторон».

Внизу стояла его подпись. «Д. Соттер», с длинным хвостом у «р», уходящим под строку, как корень.

Я узнала её сразу. Не почерк даже, а именно этот хвост, потому что семь лет назад смотрела на него столько, что могла бы нарисовать с закрытыми глазами. Последняя страница заключения королевской комиссии по делу о топоре. «Признать невиновной. Запретить самостоятельную работу с духами умерших до получения диплома академии. Внести в реестр лиц, требующих надзора». И ниже две подписи, одна из которых заканчивалась точно таким же корнем.

Из-за этой подписи меня семь лет не брали ни помощницей к некроманту, ни переписчицей в храм. Из-за неё я пропустила своё единственное бесплатное поступление. Из-за неё стояла сейчас в платье, которое не давало мне дышать, и выходила замуж за возможность учиться и получить диплом.

За него.

— Вы были в комиссии, — сказала я. Голос у меня оказался неожиданно ровным, и это было хуже, чем если бы он сорвался. — Семь лет назад.

Он поднял глаза от моих перчаток. Не удивился, не отвёл взгляда, и я поняла, что этого вопроса он ждал.

— Был.

— И подписали документ о моем особом статусе.

— Подписал.

— Вы знали, на ком женитесь?

— Знал.

Нотариус кашлянул и с преувеличенным вниманием принялся изучать собственный портфель. Мадам Флёр на моей шее перестала дышать, хотя дышать ей, строго говоря, было нечем.

— Почему? — спросила я, сама не зная, о чём спрашиваю: о той подписи, об этой свадьбе или о пяти аккуратных пунктах, за которыми он, похоже, прятался.

Он ответил не сразу. Посмотрел на свои руки, на кольцо, ещё непривычно блестевшее у него на пальце, потом на меня.

— Мне нужно было свидетельство о браке к первому дню учебного года, — сказал он. — Вам нужна была плата за обучение. Ни вы, ни я не обязаны делать вид, будто речь о чём-то большем. О заключении комиссии я готов поговорить, когда вы захотите. Но не здесь и не сегодня.

Хотелось мне сейчас одного: взять со стола чернильницу и выплеснуть её на его безукоризненно белые манжеты. Я подписала договор. Он полностью соответствовал моим взглядам на наш брак. Перо скрипнуло, и в этом скрипе мне послышалось что-то злорадное.

— Флёр, — тихо сказала я, когда мы выходили из ризницы, — ты была права. Надо было посмотреть на портрет.

— Чтобы сбежать заранее? — шепнула она.

— Чтобы знать, кого ненавидеть.

Глава 3

Карета ждала у крыльца, и мой чемодан уже стоял внутри. Мама обнимала меня долго и крепко, будто я уезжала не учиться, а на войну. Отец пожал руку жениху, потом мне — деловые партнёры, ни дать ни взять, — и сказал, глядя куда-то поверх моей фаты:

— Постарайся на этот раз её окончить.

«На этот раз» он произнёс очень тихо.

Карета тронулась. Я сидела у окна, всё ещё в свадебном платье: переодеться было негде и некогда, учебный год начинался завтра утром, а до академии был день пути. Муж сидел напротив, сняв сюртук и разложив на коленях какие-то бумаги. Между нами на сиденье расположился Барбуз и смотрел на нового члена семьи такой трещиной, выставив косточки на манер клыков, что, будь он собакой, а он и был собакой, у него наверняка был бы страшный оскал.

Гастон стоял в углу у моих ног, мадам Флёр молчала у меня на шее, а я разглядывала мужа исподтишка, пользуясь тем, что он не поднимал головы. Закатанные рукава, сильные запястья, на правом — тонкий белый шрам полумесяцем. Длинные пальцы переворачивали страницу аккуратно, будто она могла порваться от дуновения ветра. Я поймала себя на том, что считаю, сколько раз он поправит перо за ухом, и разозлилась так, что отвернулась к окну.

Ненавидеть. Мы договорились. Ну, то есть я договорилась сама с собой.

Целый час мы ехали молча, и только колёса стучали на ухабах.

— Почему арбуз? — спросил он наконец, не поднимая головы.

Я вздрогнула.

— Что?

— Почему арбуз? — Он кивнул на Барбуза, не отрываясь от бумаг. — Плод портится. Вы меняете оболочку каждое лето?

Отвечать следовало коротко, а лучше не отвечать вовсе. Я это знала и даже успела мысленно приказать себе: «Виола, молчи!»

— Нет. Одушевлённая оболочка не портится, пока в ней дух: связь держит предмет, а предмет держит душу. Это взаимно. Я наблюдаю это много лет на семнадцати предметах, и ни один не показал признаков распада. Зато у трости потемнел набалдашник, хотя по всем законам латуни не должен был, у меня это записано, третья тетрадь, страница сорок…

Я осеклась, потому что он поднял голову и смотрел на меня поверх бумаг, причём вовсе не из вежливости.

Вот так всегда. Стоит кому-нибудь спросить про мою работу, и я забываю, что много говорить опасно.

— А арбуз Барбуз выбрал сам, — закончила я тише и суше. — При жизни его звали Барон, и он был бультерьером, а у бультерьеров голова, если вы их видели, и без того похожа на дыню. Однажды он стащил арбуз с соседской грядки, и, по-моему, счастливее дня у него не было. Так что, когда пришло время выбирать оболочку, он не колебался ни секунды. А имя пришлось подправить: от Барона остались три буквы, к ним прибавился арбуз, и получился Барбуз. Ему нравится.

Барбуз, услышав своё имя, гордо выпятил полосатый бок.

Муж посмотрел на него внимательно и, как ни странно, с уважением.

— Если связь взаимна, — сказал он, — кто из вас кого контролирует?

— Никто. Это не поводок.

— Я и не говорил, что поводок. Я спрашиваю, что будет, если духу захочется большего, чем арбуз.

Мне вдруг стало холодно, хотя солнце било прямо в окно кареты.

— Тогда я его не вселяю.

Прозвучало резче, чем следовало. Он услышал и, я видела, отложил этот вопрос в сторону, чтобы непременно к нему вернуться позже. Ещё бы. Он-то знал, как никто, откуда у меня эта резкость: читал же заключение, прежде чем его подписать. Спрашивать дальше он не стал, только снова опустил взгляд в бумаги и через минуту бросил между делом:

— Оценку по моему предмету вам будет выставлять магистресса Дален. Она строгая и меня недолюбливает. О снисхождении можете не беспокоиться.

— Я и не беспокоилась.

— Я заметил, — сказал он, и в одной из насмешливых складок у его губ на миг мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Улыбаться он, значит, умеет.

* * *

Ночь мы провели на постоялом дворе, в разных комнатах, разумеется, и я до утра слушала, как за стеной он ходит из угла в угол, и бормочет, репетируя речь. Под утро мне приснилось, что речь эта о том, почему он подписал ограничение на комиссии, и во сне я швыряла в него подушками, а он ловил их, не отрываясь от бумаг. Проснулась я злая и почему-то с горящими щеками.

На рассвете мы снова сели в карету, а к полудню впереди показались ворота академии.

Они не изменились. Я помнила их огромными, ведь в семь лет огромным кажется всё, даже обида на мир, и с облегчением обнаружила, что они просто большие. Вообще же я помнила немного: запах мокрой земли на кладбище при академии, холод склепа, куда меня, разумеется, никто не пускал, и куда я, разумеется, всё равно забралась, и голос из темноты. Сухой, недовольный голос, сказавший: «Наконец-то кто-то услышал».

Сто с лишним лет этот голос держался за старый склеп, понемногу забывая сам себя, пока я, семилетняя, не пересадила его в перо, оброненное кем-то у входа. Я тогда не понимала, что делаю, просто ему было холодно. Теперь он жил в этом пере, торчал у меня из причёски и критиковал архитектуру.

— Восточное крыло перестроили, — с отвращением сообщил Основатель. — Кто разрешил? Я лично утверждал этот фасад.

— В прошлый раз ты говорил, что утверждал западный.

— Оба. Я многое утверждал. Я, если угодно, утвердил саму идею этого заведения. И устав. Половину устава.

Муж напротив оторвался от бумаг.

— Пункт сорок второй, — сказал он. — «Ректор академии обязан состоять в законном браке, дабы жил при академии семейно и являл студентам пример добропорядочности». Это тоже вы?

Основатель помолчал.

— Возможно, — с достоинством сказал он. — Звучит как я.

— Тогда спасибо, — сухо ответил муж. — Из-за вас я сегодня женат.

Я едва не рассмеялась и прикусила щёку изнутри. Смеяться над его шутками в мои планы не входило, а планы у меня теперь были очень определённые.

И только потом до меня дошло, что именно он процитировал.

— Ректор? — переспросила я.

— С сегодняшнего дня, — сказал он, складывая бумаги. — Если министр примет свидетельство. Ланге уходит в отставку и сам назвал меня преемником, совет согласен, министр Краммер тоже, но с одной оговоркой. — Он чуть приподнял бровь. — Оговорка сидит напротив меня в свадебном платье и держит арбуз.

— «Человек серьёзный, с положением», — процитировала я отца.

— С завтрашнего дня, видимо, с очень высоким, — согласился он без тени улыбки. — Сожалею, если это вас огорчает.

Огорчало. Ещё как. Одно дело ненавидеть случайного магистра, подписавшего когда-то бумагу, и совсем другое — ректора, у которого я буду учиться, в академии, где мне некуда от него деться ни днём, ни ночью.

Глава 4

У ворот мы разошлись. Он отправился в главный зал, где через час начиналось открытие учебного года и заседание совета, а я, подхватив Барбуза под мышку и Гастона под руку, пошла к столу регистрации, потому что студентку Виолу Карас, в отличие от её мужа, никто нигде не ждал.

За столом сидела женщина, которая, судя по лицу, повидала в жизни всё и ничему не удивлялась. Она молча подвинула ко мне бланк.

Имя, фамилия. Тут рука у меня на мгновение замерла: вчера утром у меня была одна фамилия, а сегодня, если верить свидетельству в кармане у мужа, другая. Я написала «Карас» твёрдо, с нажимом, так, что перо едва не прорвало бумагу. Договор есть договор, и в этом пункте я была с мужем полностью согласна.

Дальше шла графа «Количество сопровождающих лиц». Если считать честно, сопровождающих у меня было семнадцать, а если по закону, ни одного, поскольку все они числились багажом и формально были давно мертвы. Я поставила единицу, имея в виду себя.

Мужа я считать не стала.

«Специализация».

— Предметный оккультизм, — сказала я.

— Такого нет.

— Есть. Я им занимаюсь.

Она развернула ко мне бланк. Стихийная магия, целительство, светлая магия, некромантия, артефакторика — ровные квадратики, как зубы у дорогой лошади, и ни одного для меня.

— С мёртвыми работаете?

— С душами умерших. Это принципиально раз…

— Значит, некромантия. — Она поставила галочку.

Мне почудилось, что где-то в недрах академии с гулким стуком захлопнулась дубовая дверь.

Регистратор опустила взгляд на мою левую руку, где под мышкой лежал Барбуз, старательно притворяясь фруктом,, ну или ягодой, кому как больше нравится, потом на моё свадебное платье, потом на кольцо.

— Животные в общежитии запрещены, — сказала она. — И замужних в общежитие не селим.

— Это арбуз, — совершенно честно ответила я. — И я живу не в общежитии.

Арбуз гавкнул.

Регистратор смотрела на него так долго, что очередь за моей спиной притихла. Потом неторопливо обмакнула перо в чернила и вписала в опись багажа, сразу под тростью и серьгами: «Арбуз (один)». Подумав, добавила ниже: «Не кормить».

— Где же вы живёте, госпожа Карас? — спросила она, не поднимая глаз.

Я открыла рот и закрыла его: правильного ответа, который не нарушал бы третьего пункта договора, я не придумала заранее.

— У родственников, — сказала я наконец.

* * *

На открытие учебного года я смотрела с галереи главного зала, спрятавшись за колонной вместе с Барбузом и несколькими опоздавшими первокурсниками, которым тоже не хватило мест внизу.

Зал гудел. На возвышении за длинным столом сидели магистры, человек тридцать, в мантиях разных цветов. В центре стола грузно восседал седобровый старик в старомодном жилете, больше похожий на деревенского мельника, чем на главу академии. Время от времени

он доставал из кармана большие серебряные часы, открывал крышку, смотрел на циферблат и закрывал. Рядом с ним, прямой и сухой, как линейка, сидел незнакомый господин в чёрном сюртуке с орденской лентой. На магистров он смотрел, будто мысленно подсчитывал, во сколько казне обходится каждый.

— Министр образования, — прошептал над моим ухом кто-то из первокурсников, явно гордясь осведомлённостью. — Краммер. Говорят, он светлых на дух не переносит.

— Тридцать лет, — прогудел тем временем старик с часами, когда речи наконец закончились, — я сидел на этом месте. Хватит. Колени не те, и шахматы требуют времени. — Он щёлкнул крышкой. — Совет согласен, что после меня управление академией возьмёт магистр Соттер. Слово за министерством.

Министр Краммер раскрыл перед собой папку, не торопясь.

— Министерство не возражает против кандидатуры, — произнёс он сухим, бесцветным голосом. — Министерство возражает против нарушения устава. Пункт сорок второй. «Ректор академии обязан состоять в законном браке». Магистр Соттер, ещё в августе вы были холосты. Вы готовы предъявить документ?

Мой муж поднялся из-за стола. Спокойно, не торопясь, обошёл его, достал из внутреннего кармана сюртука сложенный лист и положил перед министром.

Краммер развернул свидетельство, прочитал, и брови у него поползли вверх.

— Вчера? — спросил он.

— Вчера, — ответил мой муж.

По рядам магистров прокатился беспокойный шум. Кто-то хмыкнул, кто-то зашептался, и я вжалась в колонну, мысленно благодаря автора третьего пункта договора. Да, того самого, которого я ненавидела. Благодарность и ненависть, как выяснилось, прекрасно уживаются в одной голове, если им не мешать.

— Удивительная расторопность, — сказал министр, возвращая свидетельство. — Надеюсь, супруга не исчезнет так же стремительно, как появилась. Министерство будет следить за соблюдением устава, ректор Соттер. Весьма внимательно.

— Не сомневаюсь, господин министр, — ответил муж.

— Ну-ну, — добродушно прогудел старый Ланге и снова щёлкнул часами. — Поздравляю, Дэймон. И с должностью, и… — он заглянул в свидетельство через плечо министра, — и с супругой. Надеюсь в ближайшее время познакомиться с ней.

Зал зааплодировал. Мой муж коротко поклонился, но, прежде чем сесть на освободившееся место в центре стола, поднял голову и посмотрел прямо на галерею, на колонну, за которой я пряталась, будто точно знал, где меня искать.

Я отвернулась.

— Он тебя видит, — зашептала мадам Флёр. — Детка, он тебя видит!

— Он видит духов, Флёр. Меня он видит, как все.

— Нет, — сказал Основатель из причёски. — Смотрел он на тебя. Я заметил.

— Ты перо, — сказала я. — Ты не можешь ничего замечать.

— Я утвердил устав, — с достоинством возразил он. — Я могу всё.

* * *

Квартира ректора располагалась в западном крыле, на третьем этаже, и состояла из гостиной, двух спален, кабинета и маленькой кухни с окном на кладбище. Окно на кладбище мне понравилось сразу. Всё остальное — нет, и особенно то, что всё остальное принадлежало ему.

В гостиной стояли книжные шкафы, набитые так, что полки прогнулись, причём книги стояли не по росту, а как придётся, с закладками из чего попало: шнурка, пера, засохшего кленового листа, обёртки от леденца. На подоконнике стоял чайник в виде птички. Чайник покосился на меня жестяным глазом и, как мне показалось, мысленно присвистнул.

Вещи мои уже принесли. Чемодан стоял посреди гостиной, и я принялась раскладывать своих по местам: Гастона повесила на крючок у двери, чтобы он охранял вход, леди Агату положила на туалетный столик в моей комнате, мадам Флёр устроила на подоконнике рядом с чайником, откуда удобно разглядывать прохожих. Основателя я наконец вытащила из причёски и поставила в чернильницу. Остальных разложила по полкам и ящикам, и квартира тут же стала тесной, как семейный ужин по праздникам.

Барбуз обследовал углы, обнюхал ботинки у двери в кабинет и пометил их лианой. Это были не мои ботинки.

— Умница, — шепнула я ему. Впервые за два дня мы с Барбузом думали совершенно одинаково.

Под дверь кто-то подсунул расписание. Я подняла его, развернула, и пол под ногами стал чуть менее твёрдым.

«Теория светлых воздействий. Ректор Д. Соттер».

«Практикум светлой магии. Ректор Д. Соттер».

Ректор, у которого полно дел поважнее, оставил за собой первокурсников. Дважды в неделю я буду сидеть у него в аудитории, записывать за ним материал и делать вид, будто вижу этого человека впервые, а он будет делать вид, будто не помнит, как подписывал мне приговор.

А ниже, четыре раза в неделю, тесными рядами, как солдаты на параде, тянулось: «Некромантия: основы. Некромантия: практикум. Некромантия: работа с материалом».

— Соттер, — мечтательно протянула мадам Флёр с подоконника. — Виола Соттер. Жена ректора! Звучит!

— Виола Карас, — отрезала я. — Пункт третий. И не смей больше произносить это вслух.

— Это пока, детка. Это пока.

— Она покраснела, — заметила леди Агата из соседней комнаты.

— Я не покраснела! Здесь душно.

— Окно открыто, — хором сказали трое, и даже чайник-птичка, кажется, согласно свистнул.

Я уткнулась в расписание, потому что это была единственная вещь в квартире, не имевшая собственного мнения, пробежала глазами столбец некромантии до фамилии преподавателя и остановилась.

«Магистр Л. Вейр».

Эту фамилию я тоже видела. Семь лет назад, на той же последней странице заключения, второй подписью, сразу под длинным корнем мужниного «р». Тот же наклон букв. Та же «Л» с петлёй.

Барбуз перестал грызть ботинки ректора и подкатился к моим ногам.

Окно было открыто, но в квартире моего мужа мне действительно стало нечем дышать.

Глава 5

Муж вернулся с совета поздно вечером, когда за окном кухни над кладбищем уже висела луна, а я успела разложить по полкам всех своих духов, разругаться с леди Агатой из-за ночной сорочки и дважды прогнать Барбуза из кабинета.

Я услышала, как поворачивается ключ, и поймала себя на том, что выпрямилась на стуле, как перед экзаменатором. Это меня разозлило, и я нарочно ссутулилась обратно.

Он вошёл в кухню, снимая на ходу сюртук, увидел меня за столом и остановился в дверях. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга молча, как два кота, которых хозяева заперли в одной комнате и ушли.

— Добрый вечер, — сказал он наконец.

— Добрый.

— Вы ужинали?

— Нет.

Он кивнул, прошёл к шкафу, достал половину холодного пирога, завёрнутую в бумагу, отрезал два куска, положил один на тарелку передо мной, а второй съел, стоя у окна, глядя на кладбище. Я смотрела на его спину и думала, что он скорее всего много лет ужинает в одиночестве и успел забыть, что такое ужинать в компании. Жалеть его я, впрочем, не собиралась. Тот, кто семь лет назад одним росчерком решил мою судьбу, может ужинать хоть на крыше, хоть в обществе собственной тени.

— Нам нужно поговорить, — сказала я.

— Нам нужно договориться, — сказал он одновременно со мной.

Мы замолчали. Он обернулся, и у его губ опять мелькнула та насмешливая складка, которую я уже начинала тихо ненавидеть.

— Начинайте, — сказал он. — Дамы вперед.

Я начала. Пункты у меня были заготовлены заранее, я придумывала их весь вечер, пока раскладывала вещи, и выложила их спокойно, без запинки.

Моя комната — моя. Без стука не входить, а лучше вообще не входить. Кухня общая. Умывальная по утрам до семи моя, после семи его, потому что занятия у меня начинаются раньше. Гостиная общая, но полки слева от окна мои, потому что моим духам нужен свет. Его кабинет — его, туда не захожу ни я, ни мои духи. И о комиссии мы не разговариваем. Никогда.

Последний пункт я произнесла, глядя ему прямо в глаза, и он выдержал этот взгляд, не моргнув.

— Как скажете, — ответил он. — Но если захотите, я отвечу на любой вопрос. И ещё: ни ваш арбуз.

— Что «ни арбуз»?

— В кабинет. Ни вы, ни ваши духи, ни ваш арбуз.

— Барбуз ходит, где хочет. Он собака.

— Он ходит в мой кабинет и ест мои ботинки.

— Не надо было оставлять ботинки у двери.

Он открыл было рот, но, видимо, решил, что спорить с этим бесполезно, и закрыл его.

— Мои условия короче, — сказал он. — Первое: в академии мы друг другу никто. Я ректор, вы студентка Карас, мы незнакомы. Второе: если кто-то из студентов увидит вас здесь, придумайте объяснение заранее. Третье: тишина после полуночи. Я работаю ночами.

— Это я заметила, — сказала я. — Вчера вы до утра репетировали речь за стенкой постоялого двора.

Он помолчал.

— Вы не спали?

— Сложно спать, когда за стенкой кто-то произносит «уважаемые коллеги» сорок раз подряд с разной интонацией.

— Тридцать семь, — сказал он. — Я считал.

И ушёл к себе в кабинет, а я осталась сидеть над тарелкой. Мне хотелось одновременно засмеяться и запустить пирогом ему в спину, и второе желание я считала куда более правильным.

— Детка, — прошептала с подоконника мадам Флёр, едва за ним закрылась дверь, — он тебе отрезал больший кусок.

— Он отрезал два одинаковых.

— Больший, — повторила она. — Я свахой была сорок лет. Я вижу такие вещи.

Пирог, к слову, был с вишней и оказался вкусным. Предатель, а не пирог.

* * *

Утро первого учебного дня началось с того, что меня никто не спросил, как я хочу его провести, и уж тем более не спросило моё имущество.

— Застегни верхнюю пуговицу, — велела леди Агата с туалетного столика. — Ты идёшь к некромантам, а не на смотрины.

— Она уже сходила на смотрины, — заметила мадам Флёр. — И вышла оттуда замужней. Теперь можно и расстегнуть.

Я застегнула пуговицу, подумала и расстегнула её обратно, а потом снова застегнула, сообразив, что расстегнула её исключительно назло леди Агате, а вовсе не по собственному желанию. Гастон на крючке у двери выразительно молчал. Молчание трости, к слову, бывает на редкость выразительным, если внутри неё живут полтора века гордости дворянина и шесть выигранных дуэлей. Седьмую, последнюю, он проиграл, но об этом в нашей компании не вспоминали из вежливости.

На столе зашуршали страницы.

— Возьми меня! — потребовал «Справочник по общей теории магических воздействий, издание четвёртое, исправленное».

Исправили его, судя по всему, не до конца, поскольку внутри обитал Филипп, вечный студент, умерший сорок лет назад над этим самым справочником. Тридцать с лишним лет он цеплялся за свой старый экземпляр, тускнея и путая главы, пока я не нашла его у букиниста и не дала ему настоящую опору. Экзамен по общей теории он провалил одиннадцать раз и, по собственному утверждению, на двенадцатой попытке был «близок к пониманию».

— Я знаю про некромантию всё! Глава седьмая, параграф…

— В прошлый раз ты перепутал некромантию с некрозом.

— Это однокоренные слова!

— Именно поэтому ты остаёшься дома.

Справочник обиженно захлопнулся, а горшок с львиным зевом, который я вчера пристроила на подоконник в гостиной, рядом с чайником-птичкой, одобрительно рыкнул. В цветке жила мантикора Лютик, небольшая, злобная и бесконечно преданная. Чайник, судя по тому, как он отодвинулся от горшка на край подоконника, ещё не решил, как к ней относиться.

Я вышла в гостиную, прижимая к груди тетради, и нос к носу столкнулась с мужем, выходившим из умывальни. Он был без сюртука, в рубашке, расстёгнутой у ворота, с полотенцем на шее, и мокрая ткань липла к плечам, а по виску у него ползла капля воды.

Было без четверти семь.

— Умывальня до семи моя, — сказала я.

— Вы ушли в шесть, — ответил он, — и я решил, что вы закончили.

— Я ушла за гребнем!

— Тогда я ошибся. — Он слегка поклонился, и в этом поклоне не было ни капли раскаяния. — Хорошего первого дня, студентка Карас.

И ушёл к себе, оставив за собой запах мыла и мокрые следы на полу, а я стояла посреди гостиной и вдруг поняла, что впервые вижу мужчину с полотенцем на шее, что этот мужчина мой муж и что меня это совершенно не касается. Ни ключицы в вороте рубашки. Ни та капля, которая как раз успела сползти под воротник. Ни то, что у меня отчего-то пересохло во рту.

Я его ненавижу. Я его ненавижу. Я его ненавижу. Трижды, как согласие у духа, чтобы уж наверняка.

— Плечи, — мечтательно прошептала мадам Флёр.

— Ни слова, Флёр.

В итоге на первое занятие я взяла с собой только Основателя, Гастона и чувство собственного достоинства. Последнее, как вскоре выяснилось, оказалось лишним.

Глава 6

Аудитория некромантии располагалась в полуподвале восточного крыла, где сорок лет хранили то, что когда-то бегало, и пахло там соответственно: мелом, сыростью и чем-то, о чём перед обедом лучше не задумываться. На каждом из двенадцати столов лежал аккуратный белый скелет кролика, и мне подумалось, что для одного утра кроликов, пожалуй, многовато.

Магистр Вейр оказался высоким, сухим и серым, как зимняя ветка: серый сюртук, серые глаза за стёклами пенсне, серое кольцо с печаткой на указательном пальце. Голоса он не повышал ни разу, и от этого почему-то становилось только хуже. Прежде чем вынести приговор, он дважды стучал кольцом по краю стола, тук-тук, словно проверял, не пустое ли дерево, и к концу занятия я научилась вздрагивать на втором ударе.

— Задание простое, — сообщил он. — Направить силу в кость и поднять переднюю лапу образца. Одну, не обе. Студенты, поднимающие обе, в прошлом году поднимали заодно и соседских кроликов.

Я подняла руку. Не лапу.

— Магистр, я не работаю с телами. Мой дар связан с душами умерших и с их связью с предметами. Скелет мне ничего не…

— Студентка Карас. — Тук-тук. — Вы записаны на курс некромантии, и галочка в вашем бланке стоит именно там. Программа курса не предусматривает работы с душами в предметах. Следовательно, вы будете работать с костью.

«Не предусматривает». Это слово, кажется, преследовало меня по всему королевству не менее упорно, чем Барбуз преследует почтальонов.

— Но если программа не подходит к дару…

— Значит, дар придётся подогнать к программе. — Он посмотрел на меня поверх пенсне, долго и как-то очень внимательно, и мне показалось, что взгляд его задержался на кольце у меня на пальце. — Мне знакома ваша фамилия, студентка Карас. Обе ваши фамилии, если быть точным. Я надеялся, что их обладательница за семь лет усвоила, чем заканчивается самодеятельность с мёртвыми. Прискорбно.

«Обе фамилии». Он был на совете и видел свидетельство. А семь лет назад он сидел рядом с моим будущим мужем за одним столом комиссии и поставил свою подпись под его подписью. Он знал обо мне всё, что можно уместить на трёх страницах заключения, и, судя по взгляду поверх пенсне, считал, что этого с лихвой достаточно, чтобы оценить меня.

По аудитории прокатился шорох, будто разом перевернули двенадцать страниц, и двенадцать голов повернулись ко мне, явно не понимая, о каких двух фамилиях идет речь, но чуя, что о чём-то интересном. Я почувствовала, как горят уши, и всей душой пожелала провалиться в подвал под этим полуподвалом, если таковой здесь имелся.

Ни про обе фамилии, ни про то, что случилось семь лет назад, он больше не сказал ни слова. Очень удобно: попробуй возрази тому, кто ничего толком не сказал.

* * *

Я честно попыталась поднять лапу.

Положив ладони над скелетом, как показывали в учебнике, я сосредоточилась и представила, как сила течёт в кость. Сила никуда не потекла. Она вежливо осталась внутри, словно гость, которого позвали в дом, а он отказывается переступить порог, и кролик продолжал лежать горсткой сцепленных костей.

Справа от меня рыжий студент добился того, что его кролик задёргал хвостом. Слева девушка с косой подняла лапу с первой попытки и теперь скромно делала вид, будто это вышло случайно. А впереди, через проход, случилось и вовсе удивительное: кролик высокого черноволосого парня в толстых кожаных перчатках встал на все четыре лапы, отряхнулся (непо-

нятно, чем — отряхивать там было решительно нечего) и деловито поскакал к двери. Парень поймал его на полпути и прижал к полу обеими руками, причём лицо у него было такое, будто он ловил собственный позор.

— Студент Норн, я просил одну лапу, — произнёс магистр Вейр без всякого выражения. — Прискорбно.

И тут меня понесло. Знаю, следовало промолчать, получить свой «неуд» и удалиться с гордо поднятой головой. Но когда тебе семь лет подряд твердят «не предусмотрено», а теперь ещё и замуж выдали ради того, чтобы ты могла сидеть над этим кроликом, внутри скапливается что-то очень упрямое.

— Позвольте, я покажу, что умею.

Тук-тук.

— Извольте.

Я поставила Гастона перед собой и мысленно попросила его о маленьком одолжении. Трость выпрямилась сама собой, оторвала наконечник от пола, повисла в воздухе на высоте ладони, а потом, развернувшись к кафедре, отвесила магистру поклон старой школы, с изящным наклоном набалдашника. На задних рядах кто-то ахнул.

— Любопытно, — сказал Вейр. — А теперь скажите мне, студентка Карас, кто совершил это воздействие? Вы? Или полтора века покойный господин, который, как я понимаю, проживает в этой палке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.